

УДК 316.3

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-4

Василенко Л. А.

«Нормальная аномия»: трансформация институтов
в условиях сложного социума

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
проспект Вернадского, 82, г. Москва, 119571, Россия
vasilenkola@mail.ru

*Статья поступила 1 сентября 2018 г.; Принята 15 сентября 2018 г.;
Опубликована 30 сентября 2018 г.*

Аннотация. Исследуется феномен «нормальной» аномии на примере трансформации социальных институтов в условиях сложного социума и одновременного стремления индивидов к двум противоположным тенденциям: а) к обновлению, включая крайние формы (девиации, патологии), б) возврату к старым социальным институтам. Подчеркивается особенность современного периода – переход доминанты институциональных правил от крупных социальных групп к менее крупным, но обладающих большим влиянием и совокупностью капиталов. Обсуждается феномен «спонтанной социализации» применительно к процессам быстрого формирования нового порядка в современных коммуникациях. Высказана идея о возможности применения методологии эволюционной фрактальности и кроссдисциплинарного синтеза естественных, социальных, гуманитарных наук и теологии к исследованию «нормальной» аномии. Показаны возможные пути трансформации социальных институтов или их самосохранения за счет введения «фрактально-рамочного» регулирования, своевременного изменения внутренней структуры, содержания выполняемых функций и скорости изменения социального порядка – необходимых условий устойчивости общества как социальной системы. Представлены варианты рекурсивного распространения фракталов поведения (потенциала «нормальной» аномии) на материалах социологических исследований: а) эффекта дисхроноза – прототипа вариантов концепции «нормальной аномии»; б) применения в блогосфере скрытых инструментов управления; в) продвижения фрактала открытого управления и ответного эффекта сопротивления управленческой среды (свойство резистентности) как ограничения рекурсивного процесса. Поставлен проблемный вопрос, почему одни форматы поведения в социуме фрактально заполняют наше социальное пространство, тогда как другие, не могут осуществлять эти рекурсивные процессы, пребывая в «спящем» состоянии. В качестве гипотезы рассматривается наличие достаточной энергетической мощности рекурсивно распространяемого фрактала (формата поведения) и введение фрактально-рамочного регулирования устойчивости социальной системы.

Ключевые слова: аномия; «нормальная» аномия; социальный институт; сложный социум; социальные изменения; спонтанная социализированность; нелинейность; кроссдисциплинарный синтез; фрактал; открытость; фрактально-рамочное регулирование устойчивости социальной системы.

Информация для цитирования: Василенко Л. А. «Нормальная аномия»: трансформация институтов в условиях сложного социума // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 3. С. 45-56. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-4.

Ludmila A. Vasilenko

«Normal anomie»: transformation of institutions
in a complex society

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
84 Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russia
vasilenkola@mail.ru

Received on September 1, 2018; Accepted on September 15, 2018; Published September 30, 2018

Abstract. The author examines the phenomenon of "normal" anomie on the example of the transformation of social institutions in a complex society. It is emphasized that the peculiarity of the modern period – the transition of the dominant institutional rules from large social groups to smaller, but with greater influence and a set of capitals. The author examines the phenomenon of "spontaneous socialization" in the process of rapid formation of a new order in modern communications. The idea was expressed about the possibility of applying the methodology of evolutionary fractality and cross-disciplinary synthesis of natural and social sciences, humanities and theology to the study of "normal" anomie. The author showed the options of recursive spread of the fractal behavior (the capacity of "normal" anomie) on materials of sociological research: a) the dyshronosis effect – a prototype of the concept of "normal anomie" variants; b) the use of hidden management tools in the blogosphere; c) promotion of the open management fractal and the response effect of the resistance of the management environment (resistance property) as a limitation of the recursive process. A problematic question has been posed: why do some formats of behavior in society fractally fill our social space, while others cannot carry out these recursive processes being in a "sleeping" state. As a hypothesis, the presence of sufficient energy capacity of a recursively propagated fractal (behavior format) and the introduction of a fractal-frame regulation of the stability of the social system are considered.

Keywords: normal anomie; social institution; complex society; transformation; spontaneous socialization; nonlinearity; cross-disciplinary synthesis; fractal; openness.

Information for citation: Vasilenko, L. A. (2018), ««Normal anomie»: transformation of institutions in a complex society», *Research Results. Sociology and management*, 4 (3), 45-56. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-4.

Введение (Introduction). Тема статьи выбрана под влиянием «переоткрытия аномии» российским ученым Сергеем Кравченко, «под которой он понимает расширяющуюся совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности Человека (Кравченко, 2014: 3), отличие от традиционного рассмотрения

термина «аномия», введенного классиком социологии Эмилем Дюркгеймом, как «патологических» форм учащающихся случаев девиации вследствие отказа от социальных норм в условиях инновационного ускоренного обновления сложного социума (Дюркгейм, 1995: 298). В результате теоретико-методологического анализа С. Кравченко

наряду с традиционными формами отклонений от норм, рассмотренных такими классиками социологии как Р. Мертон, Т. Парсонс, Э. Фром, выделяет качественно новые подходы применительно к периодам «конца определенности», когда невозможен возврат социума к нормативной долговременной стабильности. «Аномия, квинт-эссенцией которой является безнормие, сама стала нормой современной жизни». Автор выдвигает концепцию «нормальной аномии», представляя ее как расширяющуюся совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности Человека». Более того, он утверждает, что в теории эволюции социальных систем девиация рассматривается как детерминанта будущего развития (Кравченко, 2015: 5).

Методология и методы (Methodology and methods). Действительно, будущее детерминирует настоящее. Мы становимся свидетелями поистине уникального процесса, когда «реальность обретает черты неопределённости», в ней начинают сочетаться некоторые противоположенные возможности (Смакотина, 2009: 32). В рассматриваемом нами феномене аномии всегда присутствует неопределенность двух противоположных тенденций. Одна из них выражается в стремлении индивидов к обновлению – структуры, функций, ценностей, норм, стиля жизни, дохода зачастую до крайних форм – девиации, патологии – значимого признака аномии. Другая тенденция, напротив, выражает стремление к старому порядку, к стабильности, снятию неопределенности, возврату к старому социальному институту как к «системе наиндивидуальных ограничений», официальных отношений и санкций, создаваемых в интересах крупных социальных групп. Из данного противоречия происходит усложнение выбора, в виду динамического характера процессов стабилизации социальной жизни, отличающегося высокой вариативностью, широким сочетанием возможностей (Синергетическая парадигма, 2009).

Современный период обозначил трансформационные сдвиги социальных институтов, динамику изменений институциональных норм, отношений и санкций. «Постоянные изменения во внешней среде (т.е. необходимость адаптироваться к флуктуациям внешнего окружения), приводят к тому, что постоянно действующие, достаточно инертные институциональные правила сталкиваются с постоянно возникающими вызовами внешнего окружения». Специфика разнообразной деятельности людей не позволяет также динамично и всеобъемлюще адаптировать институциональные нормы. «Для сохранения эффективности институциональных правил искусственно создаются границы определенной социальной группы или другой социальной общности» (Фролов, 2015: 124). Если в предыдущие периоды доминанта институциональных норм формировалась в интересах крупных социальных групп, то теперь такая доминанта стала формироваться в пользу групп, менее крупных по численности, но более влиятельных, обладающих большим объемом капитала – социального, финансового, интеллектуального, символического и т.п. Пьер Бурдьё ввел образ взаимодействующих полей как новый образ видения и объяснения социальной действительности через результат противоречий и борьбы между держателями основных капиталов – политического, экономического, культурно-образовательного, социального), называя капиталом «власть над доходами и прибылью» в любом поле (Бурдьё, 2001: 52).

Важнейшим фактором трансформации развития современных социальных институтов становятся особенности накопления социального капитала. Социальный капитал представляет собой институты, отношения и нормы, определяющие качество и количество социальных взаимодействий в обществе, объем и качество доступных ресурсов партнера общения, приобретения за счет этого «власти над прибылью», демонстрируя, как могут неэкономические ресурсы быть важным источником социаль-

ного влияния. Главным становится не количественная основа, т.е. численность социальных групп, а «сила» их влияния, их качественные характеристики, способность стать институтообразующей. Подтверждение мы находим у российского исследователя Л. Ионина, утверждающего, что основанием интеграции современных крупномасштабных сообществ не может выступать ни ценностный консенсус (из-за плюрализма стилей и образов жизни), ни систематическое насилие, ни снижение витальности человека, вызванного виртуализацией страстей. Будущее за относительно небольшими самоорганизующимися сообществами, основанными на единстве мировоззрений (Ионин, 2000). Конвенциональные нормы, на которых базируется повседневная сфера индивидов, охватываемых институтом, конструируются, создаются и поддерживаются институтообразующей группой, в результате чего она обретает дополнительное влияние. Следует отметить возрастание воздействия на индивидов не столько формальных институтов, сколько неформальных институциональных правил как особой семантики коммуникаций, субкультурных мемокодов совместных действий часто не полностью осознаваемые, особенно если они базируются на мемокодах общенационального уровня (поговорах, поговорках, сказаниях и анекдотах).

Поддержание трансформированной системы социальных отношений требует наличия соответствующих условий, а также применения специальных механизмов и инструментов институтообразующей группой по определению оснований для концентрации социальной базы становящегося института, интегрирующих вокруг себя индивидов с близкими установками, накопления ими суммы капиталов, самоформирования системы ограничений и санкций, а также организации противодействия при возникновении острых противоречий между институциональным социальным слоем и остальными социальными общностями. Мотивом участников могут быть эгоистичные стремления к личной выгоде, особые

преференции при определении их статуса, ролей, расширении возможностей для самореализации. В основе мотивов могут быть не только эгоистичные, но и нравственные устремления к устранению возникающей и фрактально диффундирующей несправедливости.

Объективным основанием возможности представленных выше динамических процессов является феномен спонтанной социализации (Фукуяма, 2004). Традиционная социализированность предопределяет верность старым нормам поведения и нравственным устоям. Спонтанная социализированность характеризует способность «собираться вместе в сплоченные группы» в условиях социальных изменений, демонстрируя разрушение старых норм поведения, но обозначая отличающееся от старого социокультурное ядро, вокруг которого происходит согласование позиций участников этих процессов. В результате постепенно утрачивается единство культурных основ крупных социальных структур в силу массовых и разнообразных процессов спонтанной социализированности.

В условиях глобализации информационного пространства и современной системы интенсивных коммуникаций, использования компьютерных сетей быстро распространяются знания о других культурах, их идеях, мировоззрении, ценностях. Хотя по-прежнему огромные расстояния разделяют страны и континенты, давней изолированности народов уже нет, и люди могут объединяться на основе общих ценностных и мировоззренческих установок, не обращая внимания на разделяющие их территориальные границы. С одной стороны, отказ от части традиционных ценностей можно назвать тенденцией к аномии, а с другой стороны, данные процессы обозначают вероятность становления нового порядка, т.е. нормальный процесс эволюционного развития, препятствием которому, по мнению Ф. Фукуямы может служить традиционная социализированность (Фукуяма, 2004).

Если к анализу процессов «нормальной» аномии применить концепцию фрактальности¹, то станет возможным исследовать «анормальные» процессы с учетом закономерностей коэволюции, отслеживать рекурсивное распространение одного и того же фрактала поведения на разных иерархических уровнях, от низших к высшим и наоборот, плодотворно используя достижения естественных наук и наук о живом как проявление фрактальной природы социальных процессов в живой природе. Событие, инициирующее рекурсивный процесс, может происходить в самых разных «точках» и на самых разных уровнях системы. Примером тому является распространение фрактала в форме агрессивного поведения, рожденного на микроуровне (например, в семье), до формата аналогичного поведения на макроуровне (Василенко, Колесникова, 2015: 84). Социальная структура, получив однажды импульс информационного заражения, начинает в искаженном виде мультиплицироваться во времени и пространстве.

Исследовать такие процессы в рамках методологии только одной науки невозможно. С. Кравченко высказывает идею о синтезе естественнонаучного, социального и гуманитарного знания (Кравченко, 2015: 9), хотя, по нашему мнению, стала реальной необходимостью «мультипарадигмального методологического основания процесса познания и диалогических подходов», кросс-дисциплинарный синтез знаний из различных социальных наук. При этом «диалог приобретает качественно новое звучание, он возможен как между субъектами, культурами, так и, в определенных границах – в виде встречного движения науки и теоло-

гии», а фрактальный кросс-дисциплинарный синтез рассматривается не только как синтез методов, но и принципов (Василенко, Колесникова, 2015: 92).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Применительно к теме трансформации процессов формирования социальных институтов, зададим вопросы, можно ли считать проявлением аномии изменение сущности социальных институтов, в которых происходит распад единства крупных социальных структур или это нормальный процесс современной эволюции? Каков механизм «скрепления» динамически возникающих социальных институтов, как может оформляться институционализация отношений и социальных практик, создаваемых относительно небольшими общностями? Как может обеспечиваться порядок человеческой деятельности внутри института? Каким образом относительно небольшая социальная группа может мультиплицировать и закреплять в институциональных нормах индивидуальные ограничения, формировать отношения зависимости, предлагать соответствующую систему официальных санкций? Как и в каких формах может осуществляться «групповое давление»? Для полного ответа на поставленные вопросы необходимо проведение масштабного глобального исследования, но для первичного рассмотрения достаточно имеющихся измерений. Рассмотрим ряд примеров.

Первый пример отражает один из контуров концепций «нормальной» аномии С. Кравченко (Кравченко, 2015: 6) – эффект временного дисхроноза, согласно которому в одном социальном пространстве сосуществуют люди, фактически живущие в разных темпомирах (Князева, Курдюмов,

¹ Фрактал (лат. fractus – дробный) – понятие, описывающее множество, которое характеризуется свойством динамического самоподобия. Это свойство присуще объектам живой и неживой природы. Другим важным свойством фрактальных структур является рекурсия как способ их образования, заключающийся в повторяющемся воспроизводстве своего изначального образца по одному и тому же правилу, таким образом, любой малый фрагмент такого объекта (множества) подобен другому, полученному на следующем уровне итерации, и всей структуре в целом. Термин введен в научный оборот математиком Б. Мандельбротом – создателем фрактальной геометрии, и в точном своем определении опирается на более сложную концепцию, связанную с различными гранями категории размерности и инвариантности. Прим. авт.

2007): моральные представления одних групп могут относиться к одному социальному времени, а других – к иному. Данный аспект был нами выявлен в исследовании «Анализ воспроизводства социальной несправедливости в отношениях власти и общества (на примере Челябинской области)»¹ в 2011 г., было выделено пять типов социального поведения и организационных предпочтений под воздействием идентичности, ментальности, доминирующего мировоззрения, сложившихся привычек, способов организации, особенностей современных институтов управления, степени социальной развитости индивидов с условными названиями: Homo Sapiens – Человек разумный, Homo Mobilis – Человек подвижный, Homo Faber – Человек ремесленный, Homo Ludens – Человек играющий, Homo Divinans – Человек творящий; типы организационных предпочтений: Традиционный для Homo Sapiens, Племенной для Homo Mobilis, Авторитарный для Homo Faber, Демократический для Homo Ludens, Гражданский для Homo Divinans (Василенко, Миронова, 2012: 48). Распределение в социуме типов социального поведения определяет социальную динамику.

Проведенное немасштабное исследование в далеко не столичном регионе показывает одновременное присутствие в социуме всех пяти типов поведения, а также наличие тенденций, из которых могут произрастать трансформированные социальные институты, часть из которых может рассматриваться как феномены «нормальной» аномии. Одной из таких тенденций является поведение социальной группы, условно названной «Интерактивный-В». Группа не является полностью сформировавшейся, но при определенных условиях у нее есть шанс стать институтообразующей в силу наличия тенденции формирования

общего мировоззрения и в случае осуществления Гражданского демократического сценария, предполагающего развитие гражданских общественных институтов, инкорпорацию их в сложившуюся систему управления, развитие инструментов консенсуса базовых ценностей. Потенциальная возможность реализации такого сценария определяется особенностями современного общественного развития, выражающегося в том, что информационные сети трансформируют прежние ценности (индивидуализм, обособленность, присвоение, собственность, рынок, капитал, потребительские ценности) и создают условия для новых ценностей (информация, знание, открытость общества и человека).

Начиная исследование, мы предполагали, что гражданам, обращающимся с жалобами в органы власти, свойственен скорее тип поведения, тяготеющий к сценарию «Традиционный», а представители органов власти, реализующие реформационные преобразования, могут слоняться, скорее, к «Реактивному» или «Интерактивному-В» типам властных отношений, реализуемых в гражданском и демократическом сценариях. Результаты исследования показали, что это не так. Собственная индивидуальная матрица ценностей для такой социальной общности, условно названной «Интерактивный-В», содержит ранжированный ряд, включающий в себя как традиционные ценности: жизнь (78,4%; 70%)²; здоровье (71,1%; 65%); дети (42,4%; 87,5%); так и другие – безопасность (30%; 40%), гуманизм (8,4%; 15%) и др. Приоритетное развитие познавательной способности людей и их духовности позволяет формировать идентичность суперинформационального творческого социума – «Homo Divinans», который начинает генерировать новые мо-

¹ Анализ воспроизводства социальной несправедливости в отношениях власти и общества (на примере Челябинской области). Методы: 50 кейс-стади, слабо структурированные интервью граждан, участвовавших в разрешении обращений (N=100), анализ писем-обращений граждан к УПЧ (N=50). Сентябрь-октябрь 2011 г. Научн. рук.: д.с.н., проф. Л.А. Василенко, к.с.н. Н.И. Миронова (Василенко, Миронова, 2012: 48).

² Здесь и далее первая цифра означает ответ респондентов из числа государственных служащих, вторая – из числа граждан. Респонденты составляют социальную общность, условно названную «Интерактивный-В». Прим. авт.

дели управления. Сравнивая наличие позиции трансформаторского типа респондентов из числа граждан, обратившихся к УПЧ, и представителей органов власти, участвующих в рассмотрении их обращений, следует отметить, что граждане-заявители в большей мере рассматривают источником несправедливости «само время перемен» и непредвиденные социальные изменения (42,5%), разрушение морали и нравственности в обществе (на 38,6%), они почти в два раза чаще, чем госслужащие, поддерживают утверждение, что «социальная обязанность власти – это делиться властными полномочиями с гражданами», у них более высокий уровень использования Интернет как источника независимой информации, значительно более высокий уровень (почти в два раза) приверженности такой базовой ценности как дети, в то время как у респондентов-госслужащих на первом месте – здоровье. 20% граждан считают, что главную роль в провоцировании коррупции играет «высокий профессионализм чиновников», данное утверждение никто из представителей власти не поддержал.

Представители власти, участвующие в рассмотрении обращений граждан, в большей мере поддерживают утверждение, что для борьбы с несправедливостью нужно изменить правила использования власти (70%), большая их часть рассматривает коррупцию как «свойство организационной системы» (на 18,9% чаще, чем граждане-заявители), считая более высокой коррупцию законодателей по сравнению с судебной властью. У них на 17,5% выше творческая активность, они почти в два раза чаще поддерживают утверждение, что социальные перемены следует использовать, чтобы не упустить свой шанс (75%).

Отметим постепенное созревание и близость мотивов изменения властных отношений и норм деятельности органов вла-

сти и у граждан, и госслужащих. Так, респонденты рассмотренной выше группы «Интерактивный-В» рассматривают несправедливость как потерю моральных ориентиров (22,6%; 25%); потерю свободы выбора (33,3%; 35%). По их мнению, коррупция – это свойство организационной системы (48,9%; 40%), а несправедливость может подтолкнуть к борьбе за свободу (40,3%; 43,2%) (Василенко, Миронова, 2012: 51).

В результате исследований В.М. Шамыкиной¹ выявлены модели управления поведением пользователей, применяемые субъектами социоинформационной блогосферы, которые вполне можно квалифицировать как инструменты спонтанной социализированности (Шамыкина, 2012: 117):

– «креативное развитие», модель организации и стимулирования работы творческого сообщества;

– «обучение от противного», модель коррекции поведения участника в личном общении с подачей латентных управляющих сигналов негативного характера;

– «автоуправление», модель, при которой субъекту приписывается роль управляющего, его поведение служит образцом для копирования, а фактическим субъектом управления служит обучающийся на примере блогер, рефлексирующий собственное поведение;

– «воспитание единомышленников», модель организации групп единомышленников и несогласных путем публикации вкусовых предпочтений;

– «требование внимания», модель, при которой субъектом управления подается запрос на внимание окружающих, с последующим поощрением подчинившихся;

– «рекламирование», модель коммерческой рекламы идеи/ товара/ услуги, моти-

¹ Анализ субъект-субъектных отношений управления в блогосфере: роли, мотивация, цели. Метод: кейс-стади и неформализованное слабо структурированное интервью авторов блогов платформы «@дневники» (сайт www.diary.ru) (N=35). Три эксперта участвовали в аналитической триангуляции. Научный руков. д.с.н., проф. Л.А. Василенко. Автор-разработчик В.Ю. Шамыкина. Сентябрь-октябрь 2011 г.

вирующая материально, с описанием рекламируемого объекта, органично объединенным с искренним жизнеописанием;

– «мультипликация», модель публикации качественно охарактеризованного содержимого, вызывающая множественные равнодушные отклики, при которой субъект управления фактически не имеет других целей, помимо самой публикации, а последствия наступают в силу самоорганизации и использования модели «автоуправление».

Спонтанная социализированность здесь проявляется как фрактальный процесс распространения в блогосфере инновационных форматов поведения латентного характера через «гибкие» инструменты управления мотивацией, ценностными системами, а также в ответных моделях конструктивного сопротивления управленческому воздействию (свойство резистентности, т.е. способность сохранять устойчивость ценностной, мировоззренческой систем, индивидуальности и самостоятельности). Само по себе это явление объективное не содержит в себе негативных целевых установок. Однако, реализация таких моделей управления в массовом порядке может вызывать возникновение нового организационного порядка социума как позитивной, так и негативной направленности, т.е. содержит в себе побочный эффект уязвимости, т.е. потенциал «нормальной» аномии. С Кравченко представил такую уязвимость как формирование симулятивных норм в виртуальной реальности, что в конечном итоге грозит социуму утверждением «эры тотальной симуляции» (Кравченко, 2015: 7).

Другой пример продвижения нового институционализирующегося порядка выражается в постепенном рекурсивном процессе распространения форматов открытого управления. Изменение отношения власти и общества к открытости ярко демонстрируют новые нормативные правовые акты по вопросам административной реформы, электронного правительства, информационного общества. Важнейшим шагом в этом направлении стало утверждение Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти¹. Принятые ранее нормативные правовые акты затрагивали лишь один из аспектов открытости – раскрытие информации о деятельности органа власти. Концепция направлена на качественно новые форматы открытости федеральных органов исполнительной власти, включая совершенствование технологий взаимодействия, вовлечения граждан, экспертного сообщества и общественных организаций в процедуры выработки и реализации решений органами власти, развитие форм, способов и возможностей для гражданского контроля.

Распространение этой тенденции мы находим в комплексном исследовании – «Инновационные модели диалога власти и общества в интернет-коммуникациях»². Так 10% руководителей и политиков, ведущих блоги, используют в социальных сетях network-стратегию, т.е. интерактивное использование социальных медиа не только для контроля аудитории и прямых сообщений, но и для получения обратной связи, обсуждая с гражданами актуальные вопросы политики и деятельности ведомства. Приме-

¹«Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти». Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 г. №93-р // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

²Инновационные модели диалога «власть – общество» в интернет-коммуникациях. Комплексное социологическое исследование. Науч. рук. д.с.н, проф. Л.А. Василенко. Методы: анализ 322 сайтов трех ветвей власти (федеральных и субъектов Федерации); анализ 101 блога руководителей высшего уровня (федеральных и субъектов федерации), анализ 122 аккаунтов социальных сетей; фокус-группа экспертов из числа граждан и госслужащих; полуструктурированное интервью экспертов (N=100), анализ 150 документов институтов посредничества (Общественных палат, УПЧ, всероссийских общественных организаций); 22 кейс-стади участия посреднических структур в диалогах «власть – общество»; 16 кейс-стади анализа протестного потенциала в интернет-коммуникациях. Исследование проведено НП СОЦИНКО в рамках гранта Г-163 в соответствии с распор. Президента РФ от 29.03.2013 г. № 115-рп на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ. (Василенко Л.А., Василенко В.И., Казанцева О.А., Тарасова Е.В., 2015).

чительно, что в дискуссиях таких руководителей с гражданами в исследованных блогах наиболее часто употребляется понятие «развитие» и «культура», что демонстрирует желание активной части населения участвовать в решении проблем развития своей территории, региона, страны совместно с органами власти. В то же время открытые форматы взаимодействия граждан и власти пока не стали нормой, их фрактальное распространение ограничивается постоянно возникающими аномальными формами деградирующей культуры управления, стремлением старой системы к самосохранению. Основными причинами, препятствующими осуществлению конструктивного диалога между органами власти и обществом в Интернет-коммуникациях является: технологическая неподготовленность площадки – официального сайта, отсутствие или недостаток компетенции у работника государственного органа, осуществляющего коммуникацию, отсутствие доверия у граждан как к органу власти, так и его руководителю. «Формальные ответы» вошли в топ-3 у обеих категорий респондентов полуструктурированного глубинного интервью – граждан и государственных служащих, что означает широкую распространённость данного явления, которое способно разрушить любой диалог, даже не дав ему завязаться. Прорыв в этой сфере состоится тогда, когда проблемы граждан будут напрямую отражаться на карьере и благосостоянии чиновников, когда с помощью корректно и с профессиональной тщательностью подготовленных выборов мы сможем влиять на состав органов власти, а их решения будут формироваться с применением культуры открытого управления, в частности посредством интернет-технологий будут прозрачными и обоснованными.

Заключение (Conclusions). Подчеркнем, что «нормальная» аномия может нести в себе некоторый конструктивный потенциал. Аномия как утверждающееся «неправильное отклонение» в старой социальной системе может быть представлена своей

противоположностью как социально значимое поведение в новой становящейся социальной системе. Отрицание такого поведения заодно «отклоняет» и новые «вызовы будущего», возможности творчества подчиненных, не заданного управляющим субъектом. Завершая анализ изменений социальных институтов, отметим, что для полноты картины необходимо исследовать возможность проявлений «нормальной» аномии вновь формирующихся:

– стимулов, представляющих собой систему мотивирующих воздействий на поведение членов социальных институтов (направляющих, ограничительных, мотивирующих), возможностей и ресурсов для их осуществления (материальных, статусных, информационных, силовых, нормативных и т.д.). Необходимо выявить, во имя каких целей вводятся институциональные стимулы, оценить их сбалансированность, своевременность, действенность и как они вводятся в социальные практики с учетом общественного мнения, культуры различных социальных групп, ситуации в обществе;

– санкций, вводимых для осуществления социального контроля за поведения членов социальных институтов (положительные оценки-вознаграждения и отрицательные оценки-наказания). Требуется исследовать зрелость социальных институтов, т.е. все ли статусы и роли находятся в сфере влияния санкций, кто именно осуществляет социальный контроль, с какой мерой ответственности и во имя каких целей;

– функций установления и поддержания социального порядка – регулятивной (с учетом масштаба и организационной культуры), интегративной (внутриинтеграционные связи, взаимозависимость, взаимответственность, степень когерентности действий индивидов, распределенность и согласованность ролей и предписаний, консолидированность, степень принятия ценностей, норм и символов), транслирующей (форматы приобретения и передачи социального опыта), рекурсивного воспроизводства и поддержания социальных отношений и др.);

– специальных функций, присущих каждому социальному институту.

Введение рамочных регуляторов в период интенсивного изменения социального порядка позволяет придать некоторую устойчивость социальной системе. Одним из признаков проявления аномии социальных институтов выступает отказ российского социума законными способами соблюдать заданный властью порядок, а функции, направленные на обеспечение соответствующего поведения индивидов, такой порядок обеспечить не могут. Одним из признаков аномии устаревающих социальных институтов, свидетельствующих о незрелости вырастающих новых социальных институтов, выступает несформированность адекватных стимулов и санкций. Эти санкции в переходный период наиболее продуктивно выстраивать как ответ на феномены перехода границ официально заданных рамок.

Второй признак проявляется в виде сложных процессов новообразования социальных институтов в интересах небольшой, но влиятельной институтообразующей группы на фоне игнорирования этого института крупными социальными общностями и неумения противостоять не нравящимся тенденциям, в виду недоразвитости фрактала поведения, условно называемого «коммуникативная согласованность» (Василенко, Миронова, 2012). Высокий уровень интеллектуальности все же позволяет находить не совсем законные пути решения личных проблем, обходя заданный социальными институтами порядок, усиливая эффект аномии.

Современная наука находится в поиске целостных теорий и моделей, позволяющих определить, почему одни форматы поведения в социуме фрактально заполняют наше социальное пространство, тогда как другие, не могут осуществлять такие рекурсивные процессы, пребывая в «спящем» состоянии. Среди возможных факторов – наличие достаточной энергетической мощности каждого фрактала. Можно пред-

положить, что акты насилия или альтруистической любви у институтообразующей группы часто инициируют стремительное распространение в силу наличия накала эмоций и чувств. При этом становится интересным, какую роль в инициации рекурсивного процесса имеют новые смыслы, информация, знания? Ответить на данные вопросы можно только проведя исследования фундаментального характера. Одна из возможных идей такого исследования может строиться на феномене эволюционной фрактальности через поиск ментальных истоков самоподобия, архетипических знаний, изначально существующих в человеке, и их изменений под воздействием социального окружения. Но эти гипотезы ждут своей проверки.

Список литературы

- Буданов В. Г., Курдюмов В. С., Пунда Д. И. Управление сложностью, возможности и ограничения в современных условиях // Экономические стратегии. 2014. № 2 (118). С. 90-97.
- Василенко Л. А. Социология неравновесных процессов становления информационного общества: методологические подходы // Синергетическая парадигма-2008. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
- Василенко Л. А., Василенко В. И., Казанцева О. А., Тарасова Е. В. Модели диалога власти и общества в интернет-коммуникациях. М., 2015. 112 с.
- Василенко Л. А., Миронова Н. И. Социальная несправедливость: методология социологического измерения и интерпретации // Государственная служба. 2012. № 3. С. 47-53. (Синергетика в гуманитарных науках).
- Василенко Л. А., Колесникова Л. А. Научная рациональность в социальном познании // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 3 (7). С. 81-93.
- Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные суждения» // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
- Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000.
- Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013.

Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2007.

Кравченко С. А. Нормальная аномия: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3-10.

Кравченко С. А. Становление сложного социума: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012.

Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 2.

Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002.

Василенко Л. А. Социология неравновесных процессов становления информационного общества: методологические подходы // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика / Г. А. Аванесова, В. И. Аршинов, О. Н. Астафьева и др.; под редакцией В. Г. Буданова. М., 2009.

Смакотина Н. Л. Основы социологии неустойчивости и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты: монография. 2-е изд., пер. и доп. М.: КДУ, 2009.

Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.

Фролов С. С. Возникновение и развитие правил в практике управления социальными системами // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 120-127.

Фролов С. С. Социальные институты в современном обществе // Социология власти. 2010. С. 120-127.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ-ЛТД, 1998.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.

Шамыкина В. М. Отношения управления в блогосфере – исследование резистентности // Государственная служба. 2012. № 1. С. 115-117.

Sztompka P. Society in Action: A Theory of Social Becoming. Cambridge: Polity Press, 1991.

References

Budanov, V. G., Kurdyumov, V. S. and Punda, D. I. (2014), "Managing complexity, possibilities and limitations in modern condition", *E`konomicheskie strategii*, (2), 90-97. (In Russian).

Vasilenko, L. A. (2009), "Sociology of the non-equilibrium processes of formation of the information society: methodological approaches", in *Sinergeticheskaya paradigma-2008* [Synergetic paradigm-2008], Progress-Tradition, Moscow, Russia. (In Russian).

Vasilenko, L. A., Vasilenko, V. I., Kazantseva, O. A. and Tarasova, E. V. (2015), *Modeli dialoga vlasti i obschestva v internet-kommunikatsiyah* [Models of Dialogue Between the Authorities and Society in Internet Communications], Moscow, Russia. (In Russian).

Vasilenko, L. A. and Mironova, N. I. (2012), "Social injustice: the methodology of sociological measurement and interpretation", *Gosudarstvennaya sluzhba*, (3), 47-53. (Synergy in the Humanities). (In Russian).

Vasilenko, L. A. and Kolesnikova, L. A. (2015), "Scientific rationality in social cognition", *E`konomicheskie i sotsial`no-gumanitarny`e issledovaniya*, (3), 81-93. (In Russian).

Durkheim, E. (1995), "Value and the 'real judgment'", in Durkheim, E. (ed.), *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose], Kanon, Moscow, Russia. (In Russian).

Ionin, L. G. (2000), *Sotsiologiya kul'tury: put' v novoe tysyacheletie* [Sociology of culture: the way into the new millennium], Moscow, Russia. (In Russian).

Kara-Murza, S. G. (2013), *Anomiya v Rossii: prichiny i proyavleniya* [Anomie in Russia: causes and manifestations], Nauchny ekspert, Moscow, Russia. (In Russian).

Knyazeva, E. N. and Kurdyumov, S. P. (2007), *Sinergetika: Nelineinost' vremeni i landshafty koevolyutsii* [Synergetics: Nonlinearity of time and landscapes of co-evolution], KomKniga, Moscow, Russia. (In Russian).

Kravchenko, S. A. (2014), "A normal anomie?: contours of conception", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (8), 3-10. (In Russian).

Kravchenko, S. A. (2012), *Stanovlenie slozhnogo sotsiuma: k obosnovaniyu humanisticheskoi teorii slozhnosti* [Development of a Complex Society: a Humanistic Turn], MGIMO-Universitet, Moscow, Russia. (In Russian).

Luhmann, N. (2004), *Obshchestvo kak sotsial'naya Sistema* [Society as a social system], Logos, Moscow, Russia. (In Russian).

Merton, R. (1992), "Social theory and social structure", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (2). (In Russian).

Parsons, T. (2002), *O sotsial'nyh sistemah* [About social systems], Akademicheskii Proekt, Moscow, Russia. (In Russian).

Vasilenko, L. A. (2009), "Sociology of non-equilibrium processes of formation of the information society: methodological approaches", in Avanesova, G. A., Arshinov, V. I., Astaf'eva, O. N. and Budanov, V. G. (ed.) *Sinergeticheskaya paradigma. Sotsial'naya sinergetika* [Synergetic paradigm. Social synergetics], Moscow, Russia. (In Russian).

Smakotina, N. L. (2009), *Osnovy sotsiologii nestabil'nosti i riska: filosofskiy, sotsiologicheskii i sotsial'no-psihologicheskii aspekty* [Fundamentals of sociology of volatility and risk: philosophical, sociological and socio-psychological aspects], KDU, Moscow, Russia. (In Russian).

Toshchenko, Zh. T. (2015), *Fantomy rossiyskogo obshchestva* [The Phantoms of Russian society], Centr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, Moscow, Russia. (In Russian).

Frolov, S. S. (2015), "Emergence and development of rules in practice of managing social systems", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (3), 120-127.

Frolov, S. S. (2010), "Social institutions in modern society", *Sotsiologiya vlasti*, 120-127. (In Russian).

Fromm, E. (1998), *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [The Anatomy of human destructiveness], AST-LTD, Moscow, Russia. (In Russian).

Fukuyama, F. (2004), *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: social virtue and the path to prosperity], Translated from English, OOO «Izda-tel'stvo ACT»: ZAO NPP «Ermak», Moscow, Russia. (In Russian).

Shamykina, V. M. (2012), "The Relationship management in the blogosphere – a study of resistance", *Gosudarstvennaya sluzhba*, (1), 115-117. (In Russian).

Sztompka, P. (1991), *Society in Action: A Theory of Social Becoming*, Polity Press, Cambridge, UK.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Василенко Людмила Александровна, доктор социологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Lyudmila A. Vasilenko, Doctor of Sociology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Institute of Public Administration and Civil Service, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.